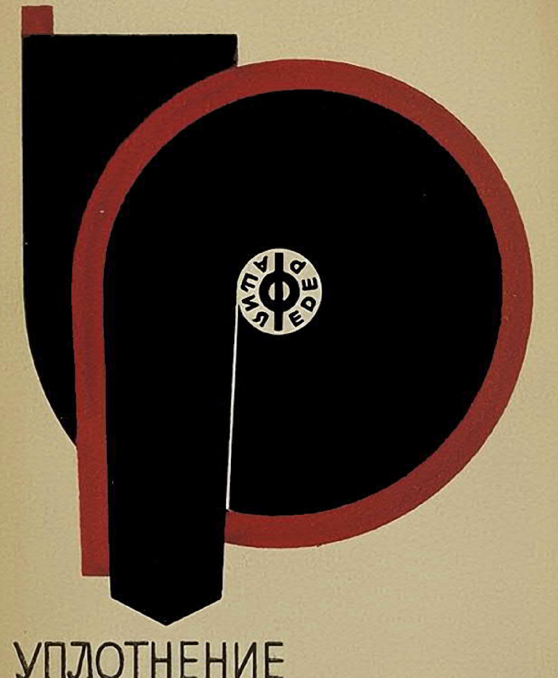
ЛЕОНИД ЛАВРОВ

УПЛОТНЕНИЕ ЖИЗНИ

ЛЕОНИД ЛАВРОВ

УПЛОТНЕНИЕ ЖИЗНИ

СТИХИ
1927—1929

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ»
МОСКВА
1 9 3 1

Обложка худ. Бор. Титова

Школа ФЗУ им. т. Борщевского
треста „Мосполиграф"
Главлит А 80835
Тир. 3000 экз.
Фосп № 440
Зак. 1575

Здесь будет город заложен...
А. Пушкин.

ИЗУЧЕНИЕ ТИШИНЫ

СТРУНА

Ты тронешь холодно струну
И пущенная срыва,
Певунья ранит тишину
Капризным рецидивом.

Но тронь нежней — поет струна.
Ценой простого слова,
К нам вновь приходит тишина,
И мир приходит снова.

1927

ЗИМА

Зима с глухими перезвонами,
Шурша осинами и елями,
Скрипя березами и кленами,
Прошла вихрастыми метелями.

И вот в задумчивых повойниках
Деревья бродят между хатами,
Расселся снег на подоконниках
И стали окна бородатыми.

И чуть в морозах помертвелая,
Заря шелка в лесу развесила,
А по дорогам косы белые
Бегут заманчиво и весело...

Лишь люди так же за работою
„В своем уме и трезвом разуме",
Скучны грошевыми заботами
И пятачковыми рассказами.

Зовут обедать и с терпением,
Ты должен так, как нечто новое,
Тебе знакомые соления
С чужими бедами прожевывать.

И потому на приглашение,
Чтоб люди истины не ведали,
С „неповторимым сожалением“
Я говорю „мы отобедали“.

... И сколько память знает повестей,
И сколько троп, дорог исхожено,
И нет нигде забывших горести,
Как нет садов не огороженных.

Зима шумит, а солнце клонится,
Белеет снег у леса дюнами,
Заледенелая околица,
Звенит серебряными струнами.

Лежат дороги под вуалями,
А вечер с крыльями мохнатыми
Повис над рощами, над далями,
Над покосившимися хатами.

И вместе с хатами, с дорогою
С неутихающими шумами,
Под вечер я нежней все трогаю,
И обо всем иначе думаю...

Мне каждый старец, будто дедушка
С знакомым обликом и голосом.
У проходящей мимо девушки
Целую мысленно я волосы.

Опять мне люди стали нужными,
И я за медленной беседою,
В кругу знакомых буду ужинать
И даже дважды пообедаю.

... Пусть память знает много повестей,
Пусть нет числа дорог исхоженных —
Не мы ль бредем забыв про горести,
В страну садов не огороженных...

Нежнее поле помертвелое,
Опять заря шелка развесила
И облака, как зайцы белые
Бегут затейливо и весело.

Деревья к хатам ниже клонятся
Белеет снег у леса дюнами,
Заиндивелая околица
Звенит серебряными струнами.

1927

ТИШИНА

М. В. Р.

Я так же, как всякий для всякого дня,
Здоровым хожу и простуженным,
И полдень обедом встречает меня
И сумерки изредка ужином.

И часто под ноющий звук тишины,
Для самого хитрого зодчества,
Умножено мной на четыре стены
Слепое мое одиночество.

И дни мои в комнате и на дворе,
Больные хронической прозою,
Текут неприметно, как карты в игре
Без самого главного козыря.

Но в переулке где воздух широк,
Где песня сверкает колесами,
Похожий на пряничный домик, ларек
Стоит золотясь папиросами.

И девушка в нем улыбается мне
И станется, если расчертите,
Четверть улыбки моей тишине
И вообще тишине — три четверти.

И вот когда ночь закрывает окно,
Прильнув занавескою робкою,
Одиночество комнаты освежено
Моей папиросной коробкою.

И я наблюдаю, как к буквам моим
В тетради присевшим на корточки
Кошачьим движением тянется дым
И направляется к форточке...

Пусть жизнь неприметна за прозою дней,
Как в алгебре цифра за игреком,
Но четверть улыбки поставлены к ней
Красноречивым эпиграфом.

И пока к папиросе пристыла рука,
Пока ветер притих за атлантикой
Я тишину изучаю пока
С ее папиросной романтикой.

1928

ПОЛУСТАНОК

Кидая друг другу эхо
Стоят часовыми ели
Подбиты снежным мехом
Зеленые их шинели.

Сложенные на платформе
Шпалы у ограды,
Напоминают по форме
Палочки шоколада.

Стены платформы шатки
И ветер ныряет в дыры,
Но играют в лошадки
Озябшие пассажиры.

И счетовод с машинисткой,
Живые еле, еле,
Усиленно мнут под мышкой
Худенькие портфели.

По телеграфным венам
Ветер шумит прибоем
И сумрак приклеил к стенам
Сиреневые обои.

Так поджидая случай
Продрогнувши спозаранок
Он дремлет с мечтой о лучшем
Затерянный полустанок.

И только заслышав „скорый“
Как будто удивленный
Красный глаз семафора
Меняется на зеленый.

И в шапке дыма старше
И тяжелей от дыма
Поезд железным маршем
Прокатывается мимо.

И лишь мигает мудро
Задней площадки сцена,
С проводником,— до абсурда
Похожим на Диогена.

И снова ветер острый,
Ели и косогоры
И снова темнеет остов
Худеющего семафора.

Но хоть он и заскорузлый,
Он все же свой, близкий,
Этот клочек Союза
С замерзшею машинисткой.

И если я сетовать стану,
То я подумаю только:
Там где есть маленький полустанок,
Возможна большая стройка.

1928

ВЕСНА

Все так же ютится
простуда у рам
Так же песни мои
заштрихованы сном,
Так же ночью озноб,
так же дрожь по утрам.
Так же горло ручьев
переедено льдом.
Но уже тротуар
чернотою оброс,
Снова солнечный лак
прилипает к земле.
И, как сказочный бред,
забывая мороз,
Обессиленный градусник
спит на нуле.
Я стою на крыльце,
я у солнца в плену.
Мне весна тишиной

обвязала висок,
Надо мной в высоте
повторив тишину,
Голубого окна
притаился зрачок.
В переулке заря,
перекличка колес,
Торопливость воды
и людей кутерьма,
И коробками разных сортов папирос
В докипающем дне
притаились дома.
Я слежу, как трамвай
совершает полет,
Как на лужах горит
от зари позумент,
И как нэпман тяжелой сигарой плывет,
И как тоненькой „Басмой“ ныряет студент.
И туда, где окно,
где льда голубей,
Обложки у крыш
оплела бирюза,
Где порхающий дым,
где фарфор голубей
Как на синий экран
поднимаю глаза.
Там ветер,
там небо,
там пятый этаж,

Там зайцем по комнате
бродит тепло,
Там ленивостью дней
заболел карандаш
И у форточки там
отстегнулось крыло.
Я стою,
я ловлю
уплывающий свет,
Опьяняясь пространством,
как лирикой сна.
И дым папиросы,
как первый букет,
У меня на руке
забывает весна.
Но это не сон —
это доза тепла,
Это первый простор,
для взлетающих глаз
Это холод, дыханьем
сожженный до тла,
Это дым вдохновенья,
пришедший на час.
Это все для того,
чтобы вовсе не так
Возвратившийся служащий
встретил жену,
Чтобы скряга отдал
за букет четвертак,

Чтобы снова Жюль-Верн
полетел на луну.
Чтобы мое бытие
окрылило на миг
И неведомых дней
недоступная мгла
Сквозь страницы еще
недочитанных книг
Проступила ясней
и лицо обожгла.
Чтобы с ранним огнем
и усталостью рам
Ваша зимняя комната
стала тесна.
И чтоб песня,
которая поймана там,
Еще раз на лету
повторила — весна.

1928

НОЧЬ

Отдыхающий холодок
Рад безветрью и погоде,
Пышный шорох уютно лег
На растенья в огороде.

Так насмешливо высока
Синь над маленькими домами.
В ней покачиваются облака,
Голубыми колоколами.

Сон тревожат о дорогой
Протекающие вопросы.
И бросая одну к другой,
Я выкуриваю папиросы.

Папиросный, беспечный дым
Наговаривает через дрему:
— Дескать, милая твоя с другим,
— Дескать, нынче пора другому.

Не шепчи мне, опять любовь
Со всей тактикой искусства
На забавный толкает бой
Человечия наши чувства.

Нет штыка и винтовки нет
Вот она, пока мы толкуем,
Сеет розовый полусвет
И сражается поцелуем.

Я курю, мне в ресницы лег
Освежающий, нетомимый,
Безответственный холодок,
Словно пальцы моей любимой.

Где-то соло поет коса,
Где-то льется древесный ропот.
В огороде шипит роса
На глициниях и укропах.

И капустных гряда вилков
Представляется чем-то вроде
Екатерининских париков,
Глупо выросших в огороде.

— Что ж, царица, у вас дела
Процветали во славу ига,
В ваше время, говорят, была
О любви золотая книга.

Что у вас, коль волнует бровь,
Да на сердце кипит отвага
И дела, дела про любовь
Очень просто решала шпага.

А теперь я хотел бы знать
По дороге в страну иную,
Могу ли я ревновать,
Ту, которую я целую?

И еще я хочу спросить,
Вашу светлость совсем минуя,
Могу ли я не любить
Ту которую я ревную?

Ах, в любви вон на той гряде
Не давая цветам покоя,
Об'ясняются резеде
Расфрантившиеся левкои.

Подождите. В суровый век
Вам наверно совсем не снится,
Как мучается человек,
Если заново он родится.

Снова свет, я иду домой,
Ночь и звезды ушли куда-то
И пред утренней тишиной
Расплывается запах мяты.

Дорогая. Прости мне все
Неурочные эти мысли,
Видишь, радостно на росе
Тени розовые повисли.

Видишь, там у того окна
Ставня скрипнула и качнулась,
Это после большого сна
Просыпается наша юность.

Это нам теперь свысока
Над малюсенькими домами,
Улыбаются облака
Золотыми колоколами.

1928

ПОЛОВИНА МАРТА

Воздух пьян на один процент;
Небо синей, чем глобус.
Через окраину, через центр
Проносит меня автобус.
Солнце летит со всех сторон
И вода закипает в шинах.
Кондуктор вежлив, как будто он
На собственных именинах.
Автобус от солнца и от весны
Как золотая клетка.
Но вы по-декабрьски еще грустны,
Моя дорогая соседка.
Прислушайтесь к сердцу, там снова ток,
Там уж не так пусто.
Там потихоньку дают росток
Отзимовавши чувства.
Там раскиданы по углам
Промахи и ошибки.
Весна ожидает сегодня там
Пропуска от улыбки.

И соседка, бросая кивок головы
Улыбается мне неловко.
И нас оставляет в конце Москвы
Автобусная остановка.
Мы здесь отдыхаем, мы здесь вдвоем,
Здесь уж не так гулко
На здании синим цветет огнем
Фамилия переулка.
Воздушная пена шипит в груди
И бродит по венам пьяным
И небо живет, небо гудит,
Заряженное аэропланом.
Но это не финиш, это не цель,
Это минута старта.
Движенье, солнце, капель
И половина марта.

1928

ШКОЛА БОДРОСТИ

ЛЮБИМОЕ

Что годы —
дым кипучести
Да ветряная рысь.
Но с этою
летучестью
Мне радостно
нестись.
Всему —
неуловимое
Свое дано в судьбе
И там наше
любимое
Где верны
мы себе.
Грозою
закаленные,
Сражаясь за поля,
Буденновкой
зеленою

Гордятся
　　тополя.
Покой хорош —
　　　　отпетому,
А буря — кораблю.
Наверное
　　поэтому
Я — конницу —
　　　　люблю.

1927

СЕРДЦЕ

Я все-таки завидую
На этот оптимизм,
Что думал он, кто выдумал
Сердечный механизм.

Стучит от делать нечего,
Холод ли жара,
От вечера до вечера,
С утра и до утра.

Кто знает чем томимая
В девичий срок,
Ко мне моя любимая
Зайдет на часок.

И в сердце бой мятежности
И мне смешно,
Как тронутое нежностью
Колышется оно.

Случается минутою,
Слетевши вечерком,
Его печаль окутает
Минорным холодком.

Но жизнь не в монотонности
И снова оно
Ключем моей влюбленности
Для всех заведено.

Одно с другим не вяжется
Но кончится завод,
Минутами мне кажется
Что все умрет.

Ножи, супы с тарелками,
С гирями весы,
И помахавши стрелками,
Умрут часы.

Но дома ли, на улице,
Ночью ли днем,
Когда все это сбудется
Тогда разберем.

Пока же годы меряет
Сердечный ход
И кровь моя в артериях
Гремит, поет.

Я праздным не позирую
Я встал на ветерке,
И время пульсирует
В моей руке.

А выдумка о смерти
Гиль, ерунда!
Друзья,— прошу, не верьте
Поэтам никогда!

1928

ЖИЗНЬ

Нежнее и проще
Над нивами дым,
Бьет осень по рощам
Крылом золотым.

Последнее лето
Листву по лугам,
Последней монетой
Кидает к ногам.

С полуночи воздух
Кружит звездопад
И я через звезды
Иду наугад.

Дорога мне прямо,
Итти мне вперед
И заперт упрямо
До срока мой рот.

О, длинные версты,
О них ли тужить,
Живется не просто
Но надобно жить.

Чтоб песня, чтоб сила
Гремели года,
Чтоб сердце ходило
Туда и сюда.

Чтоб тело звенело
Росло от тепла,
Чтоб кровь моя пела,
Светилась, текла.

Чтоб мерить дорогу,
Да так с угла,
Нога чтоб ногу
Догнать не могла.

Чтоб сердцем про милую
Вспомнив в пути
Песню унылую
Завести.

И сердце отвесней
Поставив годам,
Вдруг музыку песни
Сломать пополам.

И спето с упорством:
—Довольно ныть,
Живется не просто —
Чудесно жить.

Ходить зимой в шубе
Не верить слезам
И любит не любит —
Гадать по глазам.

Простой ответ
Искать всегда —
Чи да? Чи нет?
Чи нет? Чи да?

За маленьким место,
Занять вторым
Но в знак протеста
Расти большим.

Откинуть прочь,
Судьбы рога
И другу помочь
Добить врага.

Так жить,
Чтобы мертвых кидало в дрожь,
Чтоб даже забыть,
Что ты живешь.

И вспомнить про это,
И выпрямить грудь,
Чтоб выдохнуть лето,
Чтоб осень вдохнуть.

Чтоб слышать, как пестро
Лист бьется шурша:
Живется не просто —
Но жизнь хороша.

1928

ЗДОРОВЬЕ

И. Сельвинскому

Я задыхался. Я больше не мог. Радость
Раздула мне легкие, застряла в глотке,
Разделила мне нервы от лада до лада,
На большие басы и дискантовые нотки.

Я вышел на улицу. Толпа у заборов
Переменно катила усы или бороду.
Но набитый весельем, я брызгал задором
И вписанный в город, я бегал по городу.

Центр — перестрелка моторов,
Каждая пядь, каждый шаг, с бою.
То сырые как репы, то сухие как порох
Лица тасуются между собой.

Окраина — какая смешная работа
Поющая лестница. Не дом, а рухлядь.
Скрипит половицей дремота
Как няня в истоптанных туфлях.

Я бегал, гремело веселье не уставая,
В каждой вещи радостный шум был;
В переулки, как кошка кралась мостовая
Как тупые собаки прыгали тумбы.

Градусник... Я с ним говорил две минуты
Но я был влюблен, мне показалось
В нем свежесть апреля, в нем синие путы
В нем небо на́ влагу перековалось.

Я был очарован, взволнован до дрожи,
Бухгалтер тепла, морозного такта —
Он голубой! Он девушка! Мы как-то похожи,
То есть, я спутал, мы различаемся как-то.

Дорогая, вы спали, был градусник, был ветерок
Была высота кружевнее ажура
И вы понимаете, я больше не мог
Я изменил вам с температурой.

Что это было; я лазил на крышу, пел
Вещи плясали, прыгали вещи.
Тишина то сгущалась, чернела у тел
То становилась светлеющей.

Я был сумасшедшим, сразу от шума и тишины
Но вы извините мне это.—
Мы узнаем о здоровьи страны
По сердцебиению поэта.

1928

ПРИРОДА

Направо, налево дома и сараи,
Заборы, кусты, огородные грядки.
Приличье стирая, чинность стирая,
Селенье на зелень легло в беспорядке.

Народ еще здесь не заметен, не слышен.
Звенит вдалеке холодок под косою,
Утреннее солнце прыгает по крышам.
Кусты и деревья фыркают росою.

Посуда для чая грустит на балконе,
Чай не разлит, не готов, не заварен,
Но блюдца сверкая раскрыли ладони,
И угли, как птицы, поют в самоваре.

Я удивляюсь, думаю нонче:
Сила у жизни откуда такая,
С прошлым покончив, с горем покончив,
Эпическим маршем она протекает.

Бегут в огороде грядка за грядкой,
Дымятся ботвою редиски, горохи,
Сияет листва молочной подкладкой
И прыгают в зелени солнечные блохи.

Здесь города близость покоя не будит
И с веком пока что царит неувязка,
По запаху здесь различаются люди,
Часы узнаются обычно по краскам.

Но все же приятно в таком захолустьи,
В малюсеньких черточках видеть эпоху,
Сквозь дождик июльский мечтать о капусте
И в жар августовский тянуться к гороху.

А прошлое? В прошлом у каждого дата,
Где точность дороги помята, стерта,
Где чувства без толку смешались когда-то,
Где их разобрать невозможно без чорта.

Но прошлые чувства сегодня я с'узил,
Ревность ко мне не приходит украдкой,
Губы не вяжет в презрительный узел
И не сжигает глаза лихорадкой.

С балкона кивают мне весело лица,
Зелень сияет и струйками пара,
Чтоб где-то остынуть и влагой родиться,
Дымясь улетает душа самовара.

Здесь можно о многом подумать, поспорить,
Но это природа, жизненность это!
Здесь выдохнуть можно усталость и горечь
И снова вдохнуть себе в легкие лето.

1929

ВОЗДУХ

Прыгая лесом, травой семеня
От тона к тону меняя тон
Скрещением линий смывая меня
Простор летит с четырех сторон.
Ветер с налета волну клюет,
Выкинув спину, раздув бока
К чертям ледяное скинув белье,
Вакансоновской цепью несется река.
Кусты осыпает лягушачий гам,
Граненые раки, шальные ужи,
Чернея, как уголь плывут к берегам,
И рыбы скользят под водой, как ножи.
Мне воздух бесшумно льется в рот
И сыплется в легкие чуть звеня,
За жабры меня восторг берет,
Дурацкое счастье теснит меня.
Я говорю: молодой человек,
С чего бы сегодня ты так счастлив
Ведь это же только в обычае рек

Плечи топорщить в весенний разлив.
У тебя же занятия, ворох забот
Киевской ведьмой присел на горбе,
И вечер с тобой разделить не придет
Та, что вчера изменила тебе.
Но сыплется солнце, вертятся у рук
Молекулы света вокруг осей.
Горят под водою лезвия щук,
Бронзою дышат бока карасей.
Хрустит под ногами, как пряник песок,
Небо качает сияющий зонт.
До последних пределов расширен зрачок,
Соринкою плавает в нем горизонт.
Прекрасна страна, где так четко даны
Заданья, работать и бодрствовать мне.
Замечательно имя этой страны,
Целителен воздух в этой стране.

1928

РАДОСТЬ

К вечерней прохладе склоняется жар,
На зелень, бронзу и золото,
На солнечный дым и сиреневый пар,
Тишина перелесков расколота.

В воде отражается облачный пук,
Кувшинки застыли на якоре
И около берега тонет паук,
Чернея живой каракулей.

Дышит река, качает река
Цветы до безумия легкие,
Прохлада синеет и в два ветерка
Вливается музыкой в легкие.

В столбняке под водою темнеют сомы,
Деревья одеты истомою —
Вечер чудесен, он снова омыл
Радостью все существо мое.

Но прошлое, прошлое, это же тут
Я трогал забытые локоны,
Но там вон смешные рыбы плывут
Ведь это как будто окуни.

Тише! Сидели мы кажется здесь,
Над рощей стояло безветрие,
Легчайшим пунктиром дрожала в воде
Кустов и луны геометрия.

И плыли какие-то рыбы тогда,
Еще полосатый бок у них,
Но это, конечно, это же да!
Не что иное как окуни.

И снова мне радость трясет бока,
Река же трясется улыбками
И грустные чувства мне шепчут „пока"
И уплывают за рыбками.

Читатель, понятно и мне и тебе,
Как наша память не бдительна
Наш радостный голос рожденный в борьбе
Выходит всегда победителем.

1928

ХИТРОСТЬ

ХИТРОСТЬ

Листву сварила жара на бульваре,
Раскрыла окна зевота в доме.
Башку потрогал — башка не варит,
Тело, как после болезни ломит.
Встречные люди плывут как трупы
Знакомую встретил, чуть не плачу,
Она же мне ласково:— Полно, глупый,
Едемте, маленький, со мной на дачу,
А я в себя пальцем: — Видите, чучело,
Куда я поеду, скука замучила.

Ушла знакомая, а скука вдвое
Собакой некормленной в сердце воет,
Я ж обозлился, думаю — ну-ка,
Хитрым сделался словно щука;
Глаз прищурил. В другом разрезе
Мир представил под этим жаром,
Кастрюлями кверху дома полезли,
Облака повисли над ними паром.

Солнце по крышам текло, как сало,
А я вроде повара шел до вокзала.
Вокзал лучился стеклянной глыбой
Люди в вокзале не люди — рыбы,
Взял я билет, а в билете дырка
Сидит посередине, как пассажирка.
Только в дырку влез глазом
У мира заехал ум за разум.
Что контролеры, даже углы,
Как мандарины стали круглы.
Но тут, обрывая чудес поток,
Прыгнул в небо змеей свисток.

Взглянул я в окошко — ну не потеха ли:
Движенье у жизни размерено поровну.
Мы, как полагается, вперед поехали,
А зданья поплыли в обратную сторону.
Паровоз же толстенный — видать обжору
Уголь ест за горой гору.
Плюется, чихает, сопит добродушно:
Душно, душно, душно, душно.
А вагоны бегут — бегут вагоны
Рельсы глотают, как макароны.

Забыл я зевоту, скуку, прозу,
Приехали на станцию, шасть к паровозу:
— Чем в этой жизни мечтаешь, бредишь,
И как, говорю, к коммунизму — доедешь?

А у паровоза труба задымилась,
Сам надулся, как бык к обеду,
Дескать, это как ваша милость,
А я так очень и очень доеду.
Ну, что же поехали, дышим, едем,
Тень сбоку поезда бежит медведем.
Шнурами зелеными летят поляны,
Лес качается, словно пьяный,
Столб телеграфный, как ландыш мимо,
Крылечко, домик с ниткой дыма,
Прем в откосы, летим с откоса
Где крылечко? — тю, тю, крылечко,
Будка мелькнула, и под колеса
С разрезанным горлом упала речка.
Ну, говорю, жарь, нажимай, не потеха ли,
Но в эту минуту мы — приехали.

Предлагает на даче знакомая чаю,
Так мол и так мол — я тоже скучаю.
Тут я конечно вынул билет.
— Для скуки в мире места нет
Взгляните в дырку и скука начисто
Хитрость в жизни, чу-десное качество!

1929

ТИК-ТАК

Смятой записки, вскрытое тело,
Фраза сразила шпагой неточенной:
— Все прискучило! Жизнь надоела.
У меня с любовью сегодня кончено!

Прочел два раза, чуть-чуть ссутулился,
И ну без толку глазеть на улицу.
Тени деревьев лежат без тона,
Как-будто вырезаны из картона.
Ветер весь из шипящих нот
У меня под окошком юлит, снует.
Дунул в листья — листья ворохом.
По дому заерзали разные шорохи.
— У-уф,— тяжело вздохнул шкаф,
А вода в умывальнике каап-кап-каап-кап.

Дышат вещи, живут вещи,
Ночь течет изо всех трещин
Записка ж упала, лежит у стола,
Приходит сосед — ну, как дела?

А я ему, после большого вздоха,
—У меня,—говорю,—знаете ли, с сердцем плохо.
И сам к записке, едва дышу,
А клен за окошком — шаа-шуу-шаа-шуу.

В часах суетятся колесики, зубчики,
Под ними качается локоном маятник.
Я к нему — дорогой, голубчик,
Вы что-нибудь в любовных делах понимаете?
А в комнате пол неожиданно треснул,
Доски проныли:— Ух, тесно,
Луна окрасила стол в голубое,
Цветы закачались вдруг на обоях,
Заплавали шорохи спереди, сзади,
Кряхтят стулья, хрустят тетради,
— Как поживаете?— скрипит башмак,
А часы отвечают — тиик-так-тиик-так.

Я же опять про свою потерю:
— Я, дорогая, тебе не верю,
В каждом углу у жизни сила,
Быть не может, что б не любила.
Записку же эту спрашивать не с кого,
Разве только спросить с Достоевского.
Но мы не „наказанье“, мы „преступленье“,
Мы — это дети первой ступени.
Любовь нас связала, как книги школьник,
Как заговорщиков дерзкие узы,
Как вяжет катеты в треугольник
Хитрая линия гипотенузы.

Нам годы свои не точить слезами,
Нам завтра на жизнь держать экзамен.
Схватил бумагу, сижу, пишу,
А клен за окошком шаа-шуу-шаа-шуу.
Мир перелился в один хор:
— Любимая, скучно? Да это вздор,
Да разве жизнь у нас плохая,
Да разве можно жить, зевая,
Когда у меня каждая вещь вздыхает,
Комната ежится, как живая!

Но тут, возможно весьма случайно,
Очень уж громко чихнул чайник,
Думаю, что-то неладно здесь,
Зажег лампу — к записке — пристально.
Гляжу, родители!.. так и есть —
Записка эта не мне написана.

. . . .

Росу на рамах слизал рассвет,
Утром приходит опять сосед:
— Ну как, — говорит — живете, чудак?
А я ему радостно — тик-так-тик-так.

1929

СПОКОЙСТВИЕ

Вышел на улицу, кажется, в шесть.
От книг и занятий глаз расковал.
Гляжу — батюшки, так и есть,
Погода до чертиков ласкова.
Воздух, знаете, эдакий шик,
Любви изумительней вертерской.
Вгрызаюсь зубами, кладу на язык
И глотаю стаканами сельтерской.
Чудесно! Идет! Бурлит! До дна
Наполняет сосуды давлением.
Замечательна жизнь, хотя и одна,
Но пестрая до удивления.
Бульвар от жары сварился, притих,
Дама с девочкой — кустик и веточка...
Окошками здания сини, словно на них
Платья в синюю клеточку.
Мороженщик мне говорит: — Пожа...
Такой белобрысый, тощенький,
Как-будто только сейчас сбежал,
Он из рассказа Зощенки.

Какой-то тип прошел, толкнул,
Сказал ему нежно: — Прошу извинения.
Человек не выдержал, выдавил: — „Ну“.
И попятился от изумления,
Раздражения ни капельки. Взглядом косым
Старушка взглянула и ахнула.
Шагаю. Спокоен — словно часы,
У которых пружина трахнула.
Жук по дорожке ползет в конец,
С насекомого людям какая же польза,
— А, впрочем, ползешь, весьма молодец,
Валяй, если нравится — ползай.
Мне что. Пусть эту — жисть —
Жуют до икоты биографы.
Я говорю: — Дыши! Изощряйся! Борись!
Будь каждый сам себе кинематографом.
Но вот заковыка, куда важна...
Ни капли не смыслю в этом устройстве я.
Человеку за сутки бывает зачем-то нужна
Хотя бы минута — спокойствия.

1929

ПОЛЕТЫ

Годы мои перебрались за двадцать,
Мне уже в годах не разобраться,
Мне бы не рваться уж больше к окну,
Мне бы квартиру, службу, жену.
Но чуть тишина долетит с перелеска,
Чуть над окошком порхнет занавеска,
Чуть окрылится шуршанием местность,
Я снова готовлюсь лететь в неизвестность,
И снова игрою малюсеньких трещин
Волнуют меня хлопотливые вещи.
Чашка, вот скажут, севрский фарфор,
И я уж жалею, теряюсь опять:
— Ах,— повторяю,— фар и фор,
Да с таким названьем можно летать.
Зайдет ли беседа о самом случайном,
Об эдаком, знаете, трижды решенном.
А на столе самовар мой и чайник
Стоят и смеются, как Пат с Паташоном.
И если подумать про годы сначала,
Чего только в жизни у нас не бывало.

Добредешь вот до деревушки, выпалишь разом:
— В любовь и горение сердце одето!
А девушка стихнет, смеряет глазом,
— Оставьте, мол милый, выдумка это.
На небо ли взглянешь, грустные мысли,
Туча по небу идет густая,
А ветер надуется, крикнет, свистнет,
И туча в синь на глазах растает,
И снова шагаешь, дивишься лету,
Грусти поищешь — и грусти нету.
Вот так и обыденна жизнь пролетая,
Но как мы мечтали, моя золотая.
Мы думали — жизнь это плевое дело,
Чашке бы крылья и чашка б летела,
Но за ценную цену ничтожнейших трещин
Земным притяжением куплены вещи.
И я, заболевши крылатой заботой,
Твоею любовью плачу за полеты,
Но чуть над окошком порхнет занавеска,
Чуть доплывет разговор перелеска,
Чуть над трубой закривляется дым,
Чуть ветер ударит мне по плечу,
Скажет: — Ну, как же, приятель, летим?..
И я отвечаю: — Конечно, лечу!

1929

ЗАХОЛУСТЬЕ

Допустим, трезвость. Культура, допустим,
Но здесь провинция, здесь захолустье,
Сюда сквозь жару, сквозь огромное лето,
Едва добраться может газета.
Здесь скупостью землю покрыло пространство.
Здесь четверть недели идет на пьянство,
На скуку, на сплетни, ругань и прочее
Уходит часов остальных многоточие.

Школьный учитель, прохожий чудак,
Я, агроном, председатель Совета,
Мы выпиваем сегодня за „так“,
И между прочим за лето.
Льется вино по жилам тугим
И вот, когда пьянеют двуногие,
Со всех концов в махорочный дым,
Лезет из них психология.
И агронома толкая в бок,
Бородач поднимается фактором,

Мыча — „Агролом, какой в те толк,
Ежели ты без трактора?
Побольше б хлеба, побольше соломы,
На лешего нам тогда агроломы".
Но тут и гвалт, и шум, и спор,
Своей достигая вершины,
Переходят в особого рода спорт,
Именуемый матерщиной.
И учитель кричит: — „У нас в стране,
Как в сундуке, нам рыться ли,
Эпоха представляется нынче мне
Эпохой скупого рыцаря.
Мы государству взаймы даем,
Чтоб стройку вести скорее,
Но ведь это не жизнь, а сплошной заем,
Не стройка, а лотерея".
И он стакан за стаканом пьет,
Глотать успевая еле,
Как будто внутри у него не живот,
А пустота Торичелли.
Он пьян, конечно, конечно, не прав,
Он путанник между деревьев и трав.
И когда надоедает мне шум и спор,
Или в дыму сутулиться,
Я выхожу из избы на двор,
Чтоб подышать на улице.
Звездами выткан вечерний воздух,
Но, что такое, в сущности, звезды.
В принципе я за земной простор,

За то, чтоб земля была устроена,
За то, чтобы этот пьяный спор
Нам повернуть по-своему.
За то, чтобы как можно скорее город
Добрался до самых глухих провинций,
И чтоб всю эту бестолочь без оговорок
Смыл коллективный принцип.

НОБУЖ

НОБУЖ

I

Темнота сделана из шоколада.
Шоколадом обмазаны стройки,
Шоколадный липучий воздух
Лежит на листве деревьев.
Прислушиваясь к шуршанью веток,
К теченью ночного ветра,
К биенью ночного пульса,
Я сижу у себя на постели.
До моего напряженного слуха
Добираются через окошко:
Резиновый шелест мака,
Огуречный мохнатый шорох,
Словно кожаный хруст капусты,
И шипенье ползущей тыквы;
Настороживши белое ухо,
Подмявшись немного набок,
Сидит, как больная собака,
Рядом со мной подушка

Так всегда, как только
На деревьях большие тени
Закачаются, как обезьяны,
Я сажусь у себя на постели
Изучать тишину и прохладу,
Думать о том и об этом,
Болтать босой ногой,
Водить ею, как кистью, по полу,
Беседовать с душой огорода
И цитировать сонной природе
Прочтенные день или утро.
Мне двадцать два года.
Пора, в которую юность
Находит свой первый разум,
В которой она не порох,
Не восторженный залп чечетки,
Не порыв до звезды, не клятва,
А внимательность, четкость, обет.
О, в это время солидность
Ложится на ваши щеки,
И метой особых трещин
На ваши пиджак и брюки
Падает это время.
В эту пору заводят
Манеры, любовницу, гордость,
Выходную кофейную пару;
Службу, жену и собаку.
И еще в эту самую пору
Идут покупать в магазины

Большие стенные часы,—
Чтоб они пели в столовой,
Чтобы стучали и тикали,—
Вставляли бы „так“ в беседу.
Напоминали о супе,
Или о часе свиданья.
Но если бы вы захотели
Спросить моего соседа,
Который — пример и мера,
Который — часы и мудрость,
Который – зря не скажет
Потому что он местный доктор,
Потому что он член профкома —
Изюмина здешней жизни.
И вот вы придете завтра,
Протянете вашу руку
По направлению домика,
Что головой старухи
Тонет в зеленых буклях.
И с позой Наполеона
Вы спросите: — Кто ж это
Сидит на его пороге?
И доктор прищурит веки,
Тронет пенснэ и нос,
И солнечный злой кузнечик
Сверкнет, пролетая в стекла,
И доктор скажет: — Это —
Живет прожигатель жизни,
Местный чудак и лодырь,

Хвастун, фантазер и мечтатель,
Который во что бы ни стало
Желает из арбузных зерен
Вырастить дерево жизни.
Который не ходит на службу,
Который, который, который,
Даже в казенной анкете
На вопрос о профессии пишет:
Нелепое слово — нобуж.
И если вы очень хитры,
И если вы хоть немного
Водили знакомых за нос,
И если ваше счастье
Вечно у вас в кармане,
То доктор положит руку
К тому невозможному месту,
Где парадоксом рассудка
Должно находиться сердце.
И понижая голос
До самых интимных клавиш,
Он вам откроет тайну —
Что та, чье тело блещет
Мензуркой на летнем солнце,
Та, которую любит
Этот отпетый малый,
Будет женою доктора.
И вот я сижу, как видите,
Мигаю смешно глазами
И ничего не хочу добавить

К моему курикулум вите.
Это ведь я, конечно,
Не имею жены и службы,
Диплома и биографии,
И часы мои так испортились,
Что я временами слушаю
Не пошли ли они назад.
А та, что при летнем свете...
Ах, но об этом стоит ли
Я это только к слову —
Мензурка и солнце — знаете,
Оценят весьма нескоро
То, чем я занят в жизни.
И вот потому, как только
На деревьях большие тени
Закачаются, как обезьяны,
Я сажусь у себя на постели
Думать о том, и об этом,
Слушать биение пульса
У этой огромной ночи,
И забывая в сердце
Горечь большой обиды,
Растить из арбузных зерен
Дерево нашей жизни.

Ах, вам наверно вовсе,
Все это незнакомо —
Мгновение и мир наполнен
Простором летящих красок,

Мгновение — и вы повисли
В воздухе, словно клоун.
Вот, например, артишоки...
Я их никогда не видел,
Я даже не знаю, это
Фрукты или орехи.
Но чуть я прищурюсь глубже,
Чуть улыбнусь хитрее,
Я их могу представить,
Все эти злые штучки
Вот на голом месте
Грибом вырастает домик,
Вот через дырку в крыше
Тянется нитка дыма,
Вот все выше, выше,
Бросая длинные тени
С листьями словно лыжи,
Поднимаются два растенья.
Вот закачались в ветках
Капельные закорючки,
Вот южный ветер в листья
Дохнул апельсинным жаром,
И у плодов на спинке
Вырос мышиный хвостик,
И вон уж там виднеется
Как, раздувая щеки,
Два шоколадных индейца
Кушают артишоки.

Но все это меньше капли,
Разбитой на тысячи капель.
Это мгновенье даже
Часы записать не могут.
И вот я сижу и слушаю
Биенье ночного пульса,
Теченье ночного ветра,
Резиновый шелест мака
И кожаный хруст капусты.
Насторожившш белое ухо,
Сидит, как больная собака,
Рядом со мной подушка,
И тишины огромная сумма
Наполняет в комнате щели
И шоколадный ветер
Врывается через окна.
Но движется где-то стрелка
Чьих-то часов в столовой,
И время по небосводу
Разливает цветную воду.
И мир освеженный утром,
Раскрывается лезвием солнца,
Как раковина с перламутром.

II

Доктор приезжает в двенадцать
Плоским сырым тараканом
Движется тень тарантаса.
Восковые прозрачные тучки

Игрою неведомых формул
Скользят по его лакировке.
Полдень, и солнце ланцетом
Срезает тела теней.
Полдень, и вертикаль небосвода
Лучится на каждой вещи.
И, подставляя руку
Вешалкой для полотенца,
Величественный, как реторта,
Доктор идет купаться.
Я остаюсь у лошади,
Я наблюдаю как доктор
Не видит строение мира.
Вон там, где кривая дорожки
Согнута в виде колена,
На доктора лезет шиповник,
Вон там, где солнце плавает
В зеленом растворе листьев,
Как жирная капля в супе,
Доктор, споткнувшись, неловко
Стреляет руками в небо.
Так он идет, и крушенье,
И смерть легкодумных кузнечиков,
И мир приключений и казусов,
Теснота его линий и отсветов
Преследуют тело доктора.
Но я увлекаюсь игрою
Природы и человека. —
Желтоватое зыбкое пламя

Ложится на лак тарантаса,
Оно проплывает обрывком
Вечерней зари и румянцем
Оживляет уснувшие крылья.
Ах, это пламя, мгновенье —
Оно интригует колеса,
Мгновенье, ныряет на втулки
И рвется о радиус спицы.
И делая пол оборота
Я вижу идущую Зину.
Гаммой оранжевых бликов
Течением складок и дрожью
Едва уловимого ветра,
Как музыкальная фраза
На ней раздувается платье.
А! — удивляюсь я — Зина!
Не правда ли славное утро?
— Утро? Утро чудесно —
Отвечает она и ветер
Шуршит в поворотах платья.
— Вы служите кем-то у доктора?
Замечает она и мимо
Проносит цветение складок.
Да, соглашаюсь я, верно.
Он думает, что вы похожи
На мензурку под летним солнцем —
Но ветер проходит справа
И как по течению рыба,
Влево уходит фраза

И Зина бросая „успеха“
Идет догонять подругу.
Но я вспоминаю о чем-то:
— Зина — кричу я — минуту,
Если вы будете в лавке,
Купите мне пачку спичек.—
Но ветер проходит слева
И, словно слепая рыба
Фраза ныряет в листья.
И два розоватых пламени
Похожих друг на друга,
В скрещеньи воздушных линий,
Режут кривую дорожки.

Я остаюсь у лошади,
Средневековой грустью
Ветер шипит в деревьях.
Мазками неверных красок
Течет по дорогам полдень
И куриным крутым бульоном
Плавает в поле солнце
И увлекаясь как в детстве
Вибрацией красочных пятен,
Я забываю о грусти.

У паука, что на светлой струнке
Свисает вроде смородины,
Я отрываю ногу.
И вот оловянной каплей,
Он грузно падает в листья,

И вот он бежит, бедняга,
Словно сто тысяч мертвых
Догоняют одного живого.
А нога его на ладони
Танцует веселый танец,
Кидается вправо, и влево
Пытаясь найти опору.
О, этот обрывок жизни,
Он корчится в страхе смерти,
Кривляется, как юродивый,
В безумном желаньи бегства.

Но жалость моя спокойна,
Эти тела природы,
Я готов их спаять в единое,
Я готов их разбить на части,
Разложить на детали клеток,
Все для того, чтоб яснее
Видеть строенье мира.
Все для того, чтоб представить
Особенность каждой вещи,
Подробности каждого сердца,
Причины любого пульса,
Любых изменений: звука,
Тяжести, цвета и формы.
Чтоб изучить до-нельзя:
Привычки огня и ветра.
Характеры света и тени,
Интимность прохлады сараев,

Пейзаж стола за обедом,
Мозаику неба ночью,
И его географию в полдень.
Чтоб подчеркнуть различие
Или отметить сходство
В белизне молока и бумаги,
В неба и глаз синеве.
Каждый клочок природы,
Осколок, обрывок мира,
Он для меня источник
Еще неразгаданных формул.
У ветра я наблюдаю ритмичность,
У солнца игру молекул,
Изучаю у лошади зренье,
Ищу его высший разум,
Его остроту и сущность.
Смотрю, как сместились краски,
Как сдвинулись линии строек
В фиолетовом объективе глаза,
Как ромашки белыми искрами
Рассыпались по оболочке,
Как там сложилась сумма
Из колебаний света.
В какую чудесную тему,
В какой сумасшедший кадр
Там развернулся полдень.
Но вот в глубине объектива
Появляется вялая точка,
И запахи иода и мыла

Мешая с запахом лета.
Доктор идет к тарантасу.
— Доктор, — говорю я, — смотрите,
Как изумительно небо!
Мнда-а, — мычит он, — занятно,
Но я потерял пенснэ.

III

Я просыпаюсь. В обрывках,
В раздробленности формулировок
Моего полуденного сна
Встает золочение мира.
Над моей головой и над крышей
Стоят вертикальные тучки,
И разбив тишину и дремоту,
Врываясь в окно, как в аорту,
Пульсирует в воздухе голос.
Я поднимаюсь на цыпочки:
В пыльце перламутровых пуговиц,
В цвету полосатых подтяжек,
Делая руки, как Ф,
Как Д расставляя ноги,
Доктор беседует с зеркалом.
— Ах, — начинает он, — Зина,
Вы думаете, коммунизм это
Неразбериха цветов и линий,
Дурацкое пенье кузнечиков,
Вся эта зеленая каша
Из солнца, кустов и дорожек?

— Нет! — говорит он, — и жестом
Неподражаемой сочности
Цветет увлеченное зеркало,
И в пятом его измереньи
На столе голубеет рассольник,
Гарцует окошко и небо
И тучи плывут у комода.
— Но нет! — повторяет оратор, —
Это проверенный минимум
Навсегда заведенная мера
Кило, и ни грамма больше,
Метр, и длинней ни капли,
Рецепт и никаких историй,
Минус „Нобуж“ и заумь,
Минус Андрей и зерна
Шалых его фантазий.
Для этого только нужно,
Как можно упростить вещи,
И вычесть биение сердца,
Вышедшего за пределы.
О, — добавляю я, — доктор!
Нужно не верить зеркалу
И закрывать окна!

IV

Я им ответил — Сто двадцать!
Сто двадцать! Вам кажется мало?
Вы шутите? Нет? Невозможно!
Позвольте заметить — вы глупы.

Ведь это огромная уйма,
Это костюм или книги,
Это почет или зависть,
Это часы или это...
Все это взятое вместе.
Я выдумал службу, так лучше,
Я смогу без всяких историй
Заняться спокойней Нобужом.
К тому же, подумать, отныне
Родители будут покойны,
За каждых четыре недели
Сиденья, пыхтенья, глупенья
Их сын получает сто двадцать.
Я обманул их. Конечно
Они мне не верят ни капли,
Но так или эдак в два десять
Отходит мой поезд на „службу".
— Чудесно! Прощайте! Сто двадцать!
И громыхая портфелем,
Я ухожу через поле.—

V

Карамелью пахнут поля,
Карамелью насыщен воздух,
Живым моссельпромом лето
Развертывается перед глазами.
Я поднимаю ногу и по подошве,
Шипя пролетает ветер.
Я опускаю ногу и по колено

Она увязает в зелень.
И как сладкий воскресный пирог,
Мой след разрезает поле,
Так по его диагонали,
Через горящее лето
Я добираюсь к оврагу.
Здесь краски столпились в кучи,
В синие и желтые пятна.
Сгустились земные соки,
Здесь пауки голенасты
Как мавры или голландцы,
Лягушки свежи, как будто
Их только покрыли краской.
Здесь я наблюдаю, как кверху,
По зеленым стропилам былинок
Течет муравьиный мусор
И как овраг принимая за реку,
Танцует стрекозами воздух.
Так я забавляюсь минуту,
И ветер, пролетая, полощет
Пикейные воротнички ромашек,
Дешевенький ситец колокольчиков,
И зеленое сукно тимофеевки.

Но на той стороне оврага,
По наклонной плоскости трав,
Как розовый карандаш,
Проходит фигура девушки.
И так как фигура любимой

Схожа с фигурой подруги,
И так как на длину расстоянья
Помножено это сходство,
Я не могу разобраться,
Зина или же Вера
Идет, полыхая платьем.
Но я замечаю доктора.
Милый и бедный ветренник
Пенснэ его где-то потеряно,
И вот, как мельница, что утратила
Принцип своего постоянства,
Как крыльями, размахивая руками,
Он боком плывет по воздуху.
И вот он отчаянно балансирует,
Как будто бы по канату
Шагает неловкий клоун.
Но любовь его неудержима:
— Ах,— вздыхает ветер,—
Вы думаете — коммунизм это...
Но оборвав окончанье,
Ветер уходит мимо,
И мне только видно издали,
Как влюбленная мимика бродит
Около рта человека.
Но вот у деревьев головы
Закидываются для поцелуя,
И ветер, свою лиричность
Мешая с риторикой доктора,
Шепчет сквозь листья — Зина,

Мы жили бы с вами в доме,
Где все и всегда по норме,
Где бьются часы в столовой,
Где в восемь лучится ужин,
Где в девять приходят гости,
Где все передряги жизни
Кончаются у самовара.
О, мое злое спокойствие,
Я слышу, как где-то в пальцах
Едва уловимой дрожью,
Едва уловимой болью
Шевелится ревнивый холод.
Но следующий вздох ветра
Огромным стеклянным шаром
Лопается от смеха.
И сотнями злых кузнечиков
Прыгает голос Веры.
И принимая ошибку,
Словно неловкий клоун,
Доктор садится в траву.
И ветер, пролетая, кружит
Кружево белой кашки,
Дешевенький ситец колокольчиков,
Пикейные воротнички ромашек
И зеленое сукно тимофеевки.
. . . .
Карамелью пахнут поля...

VI

Я возвращаюсь. Темнеет.
Кинематографической лентой
Бежит под ногами дорожка.
Желтками оптических стекол,
Просквозив сквозь листву шевеленье,
На ней отпечаталось солнце.
Я возвращаюсь. Спокойней,
Лежит червоточина сердца.
Мне видно сквозь зелень направо,
Как в легких накидках балконов
В шипучей тени самовара,
Знакомые заняты чаем.
Как там распевает умело
Встревоженный новостью чайник,
Как красной лягушкой варенье
Там квакает между стаканов.
Как между руками порхают
Щипцы перепуганной птицей,
И как расколовшись, сверкает
В ладонях у блюдечек сахар.
Но что мне до чая. Бесцельней
Мое отношение к лицам,
Мне не к кому здесь ненароком
Зайти за минутной беседой,
Присесть у стола, и за чаем
Улыбнуться радушной хозяйке.
Не инженер, не ученый, не доктор—
Недоучившийся мальчик,

Я если хотите бездельник
В глазах моих доблестных мэнов.
Здешний кооператор,
Он мне не кидает—„Здорово".
Он важно проходит, объятый
Величьем своих дефицитов.
А председатель Совета,
Он уже спрашивал, как-то,
Зачем этот малый по лесу
Шатается, как одержимый.
О! Я брожу здесь как минус,
Между желательных плюсов,
Поставленных к здешнему миру.
Здесь ставка на „дело" на службу,
На позу серьезной работы,
На основательность взглядов,
На вежливость и уваженье.
Мои однокашники бродят
С гордостью первых павлинов.
И я одинок здесь как нота,
Что выпав из устья окошка
Ныряет по заросли сада.
Но я им доволен пока что,
Моим добровольным изгнаньем.
Я не желаю! Не нужно!
Мне этой скучнейшей удачи!
Этого сладкого перца!
Службы, часов и почета.
Не нужно! Я видел как „эти"

В двадцать два года зевают
На самые лучшие вещи,
Как они удивляются даже,
Когда от возможности видеть,
Во мне запульсирует радость.
А доктор—ведь это ошибка...
Но вот он. Извольте, я вижу:
С полотенцем на горлышке шеи,
Как флакон с этикеткой рецепта,
Он снова собрался купаться.
— Доктор—шучу я—сказали,
Что ваше пенснэ на дорожке.—
—Кто?—суетится он—Зина?
Нет—говорю я—Нобуж.—
И вот я смотрю, как играет
Желтками оптических стекол,
Притертое к сырости солнце,
И как двумя пауками,
В погоне за сотней осколков,
Бегают руки доктора.
Но вот он шагает обратно.
—Мальчишка—кричит он—скажите,
Кто этот ваш самый Нобуж?
—Тише—прошу я—доктор,
Нобуж не мужчина, не „этот",
Это скорее „она"...

VII

Часы мои дремлют — ни звука,
Ни даже намека на время.
Закат громыхает басами,
На низких оранжевых красках
Бегут беспокойные ноты.
Окна лучатся, как диски.
Футбольный мяч в зелени
Прыгает рыжей собакой.
И светлые ручки руля,
Откинув назад, что усы,
Эмалевой, злой стрекозой
Велосипед пролетает тропинкой.
Но часы мои дремлют. Как долго
Она задержалась с приходом.—

Закат умолкает. На низких,
На разрезанных в секторы красках
Замирает последняя нота.
Вещи тускнеют, и сразу
Окисляется в синее воздух.
И вот уже тихо. Так тихо,
Что даже нечаянный шорох
Превращается в громкое соло.
Но она не приходит. Напрасно
Я написал ей записку.
Быть может она заболела?
А может быть доктор? Кто знает...

Но тсс... Что это хрустнуло. Ветка?
Нет. Это кажется ветер.
Тихо. Дьявольски тихо!
Она не придет. Это ясно.
Но что это? Слышите? Тише!
Ветка? Вам кажется ветка?
Да, я согласен, действительно —
— ветка...

VIII

Полночь, тишайшая полночь.
Коричневый байковый сумрак
Вписан в периметр окошка.
Приняв одиночество ночи,
Поджав по татарски ноги
Я сижу у себя на постели.
Ворох бумажных обрывков
Сферостремительной силой
Отброшен в углы моей комнаты.
Работа, шепчу я, и линия
Формы полета мячика
Режет лицо бумаги.
Но что это? Кажется спички?
Вагонами после крушенья
Они развалились на столике.
О, я не верю в нелепости,
Но все-таки, видите — спички.
Они говорят мне о дозе
Едва уловимого чувства.

— Любимая, как это странно,
Я трогаю эти коробки,
Я им имена придумал,
Я выстроил их как поезд,
Я даже последнюю спичку
Изучил от конца до головки.
Пусть это нелепо, но хочешь,
Я напишу тебе сказку
О полетах в сердечную область?
— Послушай, ты может устала?
Может быть холодно, хочешь
Я тебя укрою теплее?
Нечем? Да, это правда,
Я беден, здесь нету одежды,
Здесь нету ни пяди уюта,
У меня даже нет полотенца.
Но это не важно, позволь мне
Я подарю тебе книги,
Чудесные книги о сердце,
О романтических бреднях девушек,
О юношах с кровью кипящей,
Как в гейзерах пар и вода.
Ты молчишь? Не желаешь? Как жалко.
Ты удивлена, что я весел,
Но это же просто, послушай,
Я сегодня окончил кусочек
Одной своей долгой работы.
Видишь ли эти обрывки.
Вот здесь зарисовано солнце

Отраженное нá пол сквозь рамы,
Осеннее рваное солнце,
Застывшее в рыжих квадратах.
А это вот запись о том, что
У тыквы монгольские скулы,
О том, что в осеннюю сырость,
Она чертовски похожа
На даму с огромнейшим флюсом.
А это — рассказ о природе,
Такой, какой ее видел
Я через горло бутылки.
Здесь, если хочешь паноптикум
Всевозможных чудес, коллекция
Необычайных вещей и поступков,
Собрание мелочей мира,
Мимо которых, зевая,
Скользит обывательский облик.

Капля за каплей, годами
Я собирал эту книгу.
Получу ли я деньги? — Возможно,
Но это не главное. Деньги...
Они ведь не делают жизни..
А это, Нобуж, понимаешь,
Если позволишь, то это
Глаза для ближайшего завтра.

Я объясню тебе, слушай:
— Говорят, что стареет радость,

Говорят, что порабола жизни
Состоит из забот и скуки.
А будущее, что это значит,
Говорят, при грядущем строе,
Будет брошена жизнь на счеты,
На логарифмы разбиты чувства
И число сердечных ударов
Никогда не превысит нормы.
И скука, как стук машинки,
Прокрадется в каждое ухо,
Прорвет барабанную перепонку
И превратит в арифметику
Все существо человека.
О, я знаю, что эти
Глухие отцы семейства
Близорукие бизнес-мены,
Доктора, инженеры, поэты —
Замкнутые, как сундуки,
Болтливые, как самовары,
Что они могут придумать
Лучше всемирной скуки.
Заткнув равнодушием уши,
Привалившись к телу жены,
Они не встают ночью
Искать какой-нибудь образ
Невиданный шорох, звук,
Пробовать тень на ощупь,
Приглядываться к каждой вещи,
Разглядывать каждую безделушку,

Изучать, изучать без конца
Ее имя, цвет или форму.
Вещи... они не видали,
Как человечески нежен
Остывающий на столе самовар
На каком гортанном наречьи
Вода говорит с посудой
А туфли — они у кровати
Расставлены в форме римской
Такой летательной цифры V.
А как глазеет ночью кухня,
Черными масляными глазами
По полкам разложенных сковородок
И как там, свернувшись звереньшем,
Хвостом подвернувши ручку,
Спит брошенная мясорубка.
О, им все это незнакомо,
Они спят, как большие куклы,
Завернутые по уши в одеяла.
Атропоморфиты — подобия.

Но, моя дорогая, прости мне,
Я обещал тебе сказку,
И ты, мое сердце, довольно
Так искривляться в злобе.
Я уже видел много
Чудесного в этой жизни.
Я встал как-то рано утром,
Когда, вылезая из леса,

Клинком обнажалось солнце.
И тогда я услышал в небе
Гортанный веселый рокот,
И блеск алюминевых крыльев
Слетел на сырую землю.
Но я не подумал, как доктор,
Что это летит эпоха
Союза труда и сказки.
Нет. Я свернул папиросу,
Молча измерил глазом
Высоту говорливой птицы
И молча подумал: какой же
Сидит у руля механик.
Может он тоже доктор,
Кило, и ни грамма больше,
Который не уронит машины,
Но и не бросит вызов
Нелепым своим паденьем.
Но вот на станции, как-то
Я слыхал разговор машиниста,
Что черный, как шоколадина,
Прохаживался у паровоза.
— Ну что,— говорил он,— цуцик,
Дышишь, дурацкая морда,—
И совал молоток в колеса,
И щурил глаза на оси,
И, потные от пробега,
Трогал рукою части.
И еще я видал в огороде,

В соломенной, желтой шляпе,
Подбоченясь ромбами листьев,
Стоял молодой подсолнух.
И мальчик в сквозной рубашонке
Выбегал из дома и трогал
Под корнем сухую землю.
Качал головой и с террасы
Приносил свою кружку чая.
И вот я тогда подумал,
Что коммунизм, пожалуй,
Это не только мясо
У каждого в каждом супе,
Это уменье трогать,
Слышать, любить и видеть
Сердце у каждой вещи.
Это черта за нормой,
Кило и чуть-чуть добавок,
Метр и немного лишку,
Доктор и капля чувства
Для пузырька больного.
Коммунизм — это там, где слышат
Самый неслышный шорох,
Там, где умеют видеть
Невидимый оттиск света.
Это тогда, когда воля
Направлена в сердце жизни.
Когда понимают с полслова,
С полвзгляда узнают и верят.
Когда говорят с паровозом

Также, как с человеком.
Когда угощают чаем
Даже простой подсолнух.
Оно уже близится, время,
Когда жизнерадостность вспыхнет
В каждом движеньи тела.
Когда будет еще наука,
Не физика, не математика.
Наука искусства видеть
Диалектику каждой вещи,
Которая изучит кипенье
Ветра в листве березы,
Влияние шороха тени
На рост человеческой грусти,
Безумную страсть самовара
К семейству веселых чашек...
Которая научит слышать,
Вырвет из тайное тайных
Тысячу новых красок,
Умнет ощущение мира
Выше положенной нормы,
Чтоб через поры жизни
Проходил человек, как искра
Электро-магнитного тока,
Что уплотняя атомность
В озон превращает воздух.
Оно набежит, это время,
Июльским горячим солнцем
В каждом теле забьется ветер,

Каждая бровь зажжется.
Нобуж будет в каждой школе
И я буду тоже доктор,
Этой чудесной вещи.

IX

Я просыпаюсь — сто тысяч
Лучей пролетело сквозь стены,
Воткнулось, вонзилось, вкололось
В мое одеяло и простынь.
Но доктор, что ему нужно,
Зачем он листает бумаги.
Зачем он роняет с испуга
На пол свое полотенце.
— Адрес,— бормочет он,— адрес,
Я только хотел ее адрес.
Где она, ваша невеста,
Что вы называли Нобуж.
Солнце играет. Сто тысяч
Желтых безумных молекул
Бродят по телу подушки,
И я улыбаюсь.— О, доктор,
О, замечательный доктор,
НОБУЖ — это только Наука
Об Уплотнении Жизни.

Брехово Июль 1929.

СОДЕРЖАНИЕ